

“Северные” мотивы в творчестве Набоковского художника

(к теме “О значении цвета
в художественном сознании В.В.Набокова”)

ПО ЗЛОЙ иронии российской истории имя всемирно известного русского писателя В.В.Набокова (1899-1977 гг.) в России стало открыто только десять лет назад. Для псковского читателя примечателен тот факт, что детские и юношеские годы Владимира Набокова проходили в двух сотнях верст от Пскова, в петербургских предместьях, в самом С.-Петербурге. Родовые имения предков Набокова - Рукавишниковых, фон Корфов - находились рядом с Варшавским (сейчас Киевским) шоссе. Места, родные сердцу Набокова, - это прославленная А.С.Пушкиным Выра, Батово (родина К.Ф.Рыльева), село Рождественно. Конкретно-географические, топографические реалии Петербурга, рождественской и вырской усадеб, Батова и Сиверской - тех мест, где пролетели райские годы детства, - проникли в мир набоковских книг, стали частью жизни любимых героев писателя.

Поэт и литературный критик В.Ф.Ходасевич определил “жизнь художника и жизнь приема в сознании художника” как основную тему произведений В.В.Набокова. По существу, художники под разными масками являются героями набоковских романов, рассказов и стихов. Творчеству и даже биографиям некоторых из них Набоков, преобразовывая, передает автобиографические черты.

После Октябрьской революции переехавшей в Крым, а позднее навсегда покинувшей родину семье Набоковых остались одни воспоминания, память о своей России. В 20-е гг., находясь в эмиграции, Набоков пишет стихи и рассказы, в которых звучит не только конкретная ностальгия, но и обозначается особая тема отношения к северному краю. Отношения, передаваемого во многом через цветовую палитру.

В 1923 г. появляется стихотворение В.Сирина (псевдоним В.В.Набокова) “Река”, в 1925 г. - “Люблю я гору в шубе черной...”, с 1917 по 1922 гг. писалось стихотворение “Домой”. Что их может объединять? Любовь к природе родного края. Любовь не абстрактная, но опредмеченная. Когда Сирин пишет о реке, по которой плывет лодка:

... мимо леса,
где березовый ствол чуть сквозит белизной
в буйном бархате хвойном,
мимо красных крутых берегов...² -

он говорит о своей реке - Оредеже (по старым нормам орфографии слово Оре-

Шадурский Владимир Вячеславович - аспирант кафедры литературы Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова.

дежь писалось с мягким знаком, так как это было существительное женского рода). Когда поэт стремится домой: “На мызу, милые! Ямщик...”, - то заставляет своего лирического героя по “зеленому склону”, “ленивому изгибу” “знакомой тинистой реки” нестись на лошадях к родной Выре, к своему дому. А когда в Фельдберге проговаривается: “Люблю я гору в шубе черной...”, - то открывает свою тайну: и на чужбине он пытается подсмотреть, высмотреть

... приметы с детства дорогие
равнины северной моей.³

Чем же так очаровывает “северная равнина”? Каковы же особые “приметы”, которые писатель старался уловить и в Германии, и в Англии, и в США, и в Швейцарии? В автобиографическом романе “Другие берега” (1954 г.) В.В.Набоков напишет о родном крае: “... В шестидесяти верстах от Петербурга ... расположено за одним рукавом реки Оредежь село Рождествено, а за другим - наша Выра. Река местами подернута парчой нитчатки и водяных лилий, а дальше, по ее излучинам, как бы врастают в облачно-голубую воду совершенно черные отражения еловой глуши по верхам крутых красных берегов, откуда вылетают из своих нор стрижи и веет черемухой...”⁴ Это удивительно живописные места, где издавна стояли усадьбы петербургских аристократов, где рождались стихи Державина, Рылеева, Майкова.

Много интересного связано и с рекой. Есть версия, что этимология названия реки Оредеж восходит к древнерусскому *редрый* ‘бурый, рыжий, красноватый’. Река эта отличается красным цветом берегов, сложенных железистыми песками и песчаниками.

Существует легенда о вдохновляющей силе этого края. Исследованием такой легенды занимались специалисты Историко-литературного музея с. Рождествено, Гатчинского р-на, Ленинградской обл. С.Миронова и Е.Рябова. Оказывается, как полагают некоторые, знаменитая картина К.С.Петрова-Водкина “Купание красного коня” могла быть написана художником после пребывания в Приоредежье. Цветовые совпадения картины и оредежской природы настолько поразительны, что, воспринимаемая обычно как образец традиций древнерусской живописи, работа Петрова-Водкина может показаться и портретом и пейзажем одновременно.

Всем известно, что художник прибегнул к изобразительной метафоре. По замыслу создателя, юноша на ярко-красном коне должен вызвать ассоциации с излюбленным в народе образом Георгия Победоносца, а обобщенный силуэт, компактная композиция, насыщенность цвета и плоскостность форм напоминают древнерусскую икону.

Какое же, хотя бы отдаленное, отношение эта картина имеет к набоковским местам? В “Других берегах” Набоков вспоминает, что в возрасте от 10 до 15 лет, когда он жил в Петербурге, на Большой Морской, 47, ему давали уроки художники, среди которых были М.В.Добужинский, график, один из видных деятелей группы “Мир искусства”. Известно, что члены этого объединения организовали художественную школу и давали частные уроки рисования, живописи. Могло стать так, что М.В.Добужинского, занимавшегося еще и театральными декорациями, мог на время заменить “коллега” К.С.Петров-Водкин. Петров-

Водкин во время “замещения” летом мог выехать вместе с семьей Набоковых на пленэр в район Сиверской, Рождествена или Батова.

С описанием природы этого края мы уже знакомы: чистейшие воды реки Оредеж, красные крутые берега с огромными елями, и непрменный атрибут батовской природы (сохранившейся и по сей день) - лошади, пасущиеся на прибрежных лугах. Открывшийся вид мог поразить живописца и своими красками войти в его художественное сознание, отразившись в итоге на образцах и колорите картины “Купание красного коня”. А долговязым юношей мог оказаться сам молодой Владимир Набоков (полотно создано в 1912 г., Набокову уже 13 лет, т. е. хронологически все правдоподобно). Внешнее сходство, особенно в чертах лица, очевидно. Таким образом, и прототипом персонажа мог быть реальный человек “севера” - В.Набоков в юношеском возрасте.

Повторяем, что вышесказанное вовсе не претендует на какую-то сенсацию, на то, чтобы умалить ценность картины Петрова-Водкина и охарактеризовать ее как простой портрет. Это невозможно и не выдерживает никакой проверки. Однако тонкое хитросплетение разных фактов, якобы приведших к такому живописному результату, еще раз подчеркивает своим существованием, этой легендой, сказочную притягательность природы Оредежа и, прежде всего - определенный цветовой магнетизм. Редкостной красоты природа этого края, воодушевляя, способствует созданию мифов. Краски и настроения Приоредежья манят к себе однажды посетившего эти места, а человека, жившего ими и разлученного с ними, будут звать вечно.

Феномен набоковского “севера”, зовущего отчаянно и безнадежно, цветковое мировосприятие, которое с такой широтой и остротой развилось в будущем создателе “Дара” и “Лолиты”, объясняет многое в ностальгии Набокова. Этому феномену писатель обязан своим художническим зрением, своим талантом видения, талантом выражения.

Цветовая гамма во многих произведениях определяет гамму переживаний набоковского художника. И наоборот, переживания художника устанавливает конкретную цветовую гамму произведения. Самый широкий цветовой диапазон, разумеется, - в детстве, когда не размышляешь о выражении, не ведаешь дефиниций, но видишь многое, разнообразное, всегда новое. Чем ближе к младенчеству, тем ярче и разнообразнее воспринимаемые цвета. Но чем дальше от него, тем меньше пестроты. А в 1967 г. любимый север будет назван Набоковым только “серым”, “С серого севера...” - первая строка его стихотворения.

Почему однако происходит перемена цвета? Только ли оттого, что лирический герой, “взрослея”, утрачивает остроту зрения, широту восприятия? Неужели человеческое восприятие оттенков спектра с годами оскудевает?

В августе 1918 г. в Крыму Набоков фактически оказался в эмиграции. И Петербург в сознании поэта из города “милой сказки” и “волшебных площадей” превращается в блеклый, безрадостный, опустошенный город с “серой площадью”. Это проявляется в стихотворении “Детство” (1918 г.). Цветовые мотивы в нем построены на контрасте нежных, утонченных оттенков, присущих видениям, снам, воспоминаниям детства, и бесцветности. Несмотря на смещение в цветовом восприятии, художник остается “преданным видениям несравненным”, пытается в

памяти сохранить подлинную красоту города своего детства. Автор и рифмами и размером (шестистопный ямб), некоторыми деталями указывает на близость своего лирического героя А.С.Пушкину.

В стихотворениях “Петербург” (1923 г.), “Санкт-Петербург” (1924 г.) тема Петербурга как родного города Набокова соединяется с темой пушкинской. В стихотворении 1923 г. лирический герой способен жить слухом и зрением самого Пушкина:

И слышу я, как Пушкин вспоминает
все мелочи крылатые, оттенки
и отзвуки...⁵

Здесь подчеркивается не только творческая ориентация Набокова, но и связь имен Пушкина и Блока, связь времен, осуществляемая через “непостижимый”, “призрачный” Петербург.

Поэту Сирину, как и зрелому Набокову, характерны “сновидческие” принципы изображения, создание иллюзии, мистификаций. В стихотворении 1923 г., написанном, по-видимому, в Берлине, лирическому герою не только чудится “воздушный Петербург”, но, более того, он странствует по городу юности, замечая бронзовый, лазурный, охряный, золотистый цвет зеленой бирюзы.

С течением времени в сознании художника образ Петербурга как бы искажается, герой уверен, что вскоре город станет ему совсем чужим. В стихотворении “Беженцы” (1921 г.) он предельно откровенен в горьких словах:

Но, увы, приглянувшись к нему,
не узнаю ... и скорчусь от боли...⁶

В одном из нескольких одноименных стихотворений “Петербург” (“Так вот он, прежний чародей...”) (1921 г.) излюбленный сиринский прием контраста используется по-новому. Петербург без Набокова - “павший властелин, он умер, скорбен и один”, красочная палитра в его изображении до странного бедна. Цвета болезненны, мертвенны: “город бледный”, трава в нем “сгнила”, скосившиеся дома “почернели”, прохожие “в какой-то жалобной тоске, и все потухли, исхудали”, их одежды зачастую - “выцветший платок”, “ветхое одеяло”. Петербург из богатой многоликой столицы превращен в могилу, теперь это лишь молчаливая “столица нищих”, из которых, “тихо плача, жизнь ушла”. В городе уже ничто не напоминает Северную Пальмиру, уже нечем “красоваться граду Петрову”.

В стихотворении, традиционно для Сирина, создается иллюзия: лирический герой проводит нас по Петербургу своей памяти, своей юности. Это город иной, с “волшебными площадями”, “разноцветными огнями”, в котором, даже шинели “сизокрылые”. Это город, полный людей, гула, суеты, красок, отражений, это город жизни. Петербург Сирина - некая столица цвета, пестроты:

... купол в дымке голубой,
да цепь домов веселых, хмурых,
оливковых, лимонных, бурых...⁷

Кульминация соединения цветовых мотивов выражается в словах, характеризующих наплыв народных масс нового, особенного цвета и вкуса:

... цветок,
бумажный, яростный и жалкий,

заместо мартовской фиалки,
весной искусственной дыша,
алел у каждого в петлице.⁸

Если сначала могло показаться, что Петербург юности Набокова - это лишь многоцветная, ярмарочная северная столица и тоска автора по этому многоцветию, раскрашенности, то после внимательного прочтения выясняется, что однообразие цвета, пришедшего в Петербург на исходе 1917 г. - это признак омертвелости, антицвета, неестественности, ухода настоящей жизни. Чем больше блеклости и серости, тем больше будет болезней и злобы, убивающих набоковский город. Поэтому последние строки звучат как эпитафия:

... город погребенный
воскреснет вновь, всё будет в нем
прекрасно, радостно и ново, -
а только прежнего, родного,
мы никогда уж не найдем...⁹

Настоящее возвращение невозможно потому, что город утратил навсегда свою первозданность.

В стихотворении "Родина" (1921 г.) Набоков не дает никаких топографических названий, для него родина не страна, не место Петербурга или родовых усадеб; это - север, северный край сумрачной России. Ощущение притяжения родного края не утрачивает своей остроты и через несколько лет:

Как весной мой север призывает!
Как весной мой север далек!¹⁰

Краски милой природы, запечатленной в памяти художника, неувядаемо разнообразны: "лазурь небес", "золотой ливень", "бледно-лиловые пятна на березовых светлых стволах", черемуха, ландыши, изумрудная трава. Конечно, в описаниях набоковского поэта еще нет той изысканности, увлеченности оттенками, полутонами, которая будет очаровывать в последующих рассказах и романах. Но речь не идет о стилистическом совершенстве или новациях молодого автора - сам Набоков с неохотой отзывался о своих первых стихотворных сборниках. Мы говорим лишь о цветовых соответствиях в восприятии Набокова: родные краски Петербурга до 1917 г. утрачены навсегда, новые, даже возрожденные, станут чужими. Но то же и с природой севера, кажущейся незабываемой. Поэт, "утративший родину", не верит в бытие того, что не с ним и что невозвратно. Из своего художественного сознания он гонит мысль о родине:

Дом сожжен и вырублены рощи,
где моя туманилась весна.

Но ностальгия неизбежна, у Сирина появляется еще много произведений с названиями "Россия", "Родина", а в 1939 г. в Париже возникает стихотворение "К России" с молящей строкой "Отвяжись, я тебя умоляю". Вечное изгнание не избавляет от ностальгии. Напротив, тоска по родине становится силой, ускоряющей и направляющей творческий процесс Набокова.

В романе "Дар" у персонажа-писателя Ф.К.Годунова-Чердынцева есть замечание: "Странно, каким восковым становится воспоминание, как подозрительно хорошеет херувим по мере того, как темнеет оклад, - странное, странное происхо-

дит с памятью.”¹¹ У В.В.Набокова в 1967 г. появилось стихотворение “С серого севера...” В нем, вопреки словам Годунова-Чердынцева, память писателя опечалена. Борис Носик в книге “Мир и Дар Владимира Набокова” пишет о предыстории этого стихотворения: “Какая-то русская женщина прислала Набокову фотографии Выры и Рождествена. Она рисковала, вступая в переписку с врагом Отечества, и была наказана за это у себя там, в суровом Ленинграде.”¹² Возможно, после этого случая в 1967 г. в Монтре (Швейцария) и родилось это стихотворение:

С серого севера
вот прищли эти снимки.

Набоков вспоминает родные места, заставляя лирического героя провести экскурсию по “северу”, теперь уже навсегда “серому”:

Знакомое дерево
вырастает из дымки.
Вот на Лугу шоссе.
Дом с колоннами. Оредежь.

Нет ни одного эпитета в изображении края, увиденного заново. Это больше похоже на простую констатацию фактов, зафиксированных на черно-белой фотобумаге. Слово многоцветный, радужный мир юности уже ушел, ушел даже из памяти, но осталась обесцвеченная, чуждая реальность, народные предметы.

Отовсюду почти
мне к себе до сих пор еще
удалось бы пройти.

О чем пишет Набоков? Не есть ли это желание любыми средствами вернуться в Россию, чтобы победить безысходную боль? Но это романтическое желание уже смог исполнить Мартын Эдельвейс, герой романа “Подвиг”, он достиг границы России ценою жизни. А может быть и то, что “пройти к себе” - это значит сознанию исстрадавшегося Набокова вернуться через десятилетия к сознанию мальчика, Лоди Набокова. И в то же время понимание тщетности, невозможности такого возвращения.

Поэтому и звучат тяжело приговаривающие строки о несбыточном посещении, нереальной экскурсии:

Вот это Батово.
Вот это Рождествено.¹²

Черно-белые фотографии родных усадеб становятся символом обесцветившейся реальности родины. Скупы и горьки слова, подтверждающие это. Только в последней части стихотворения возникает цвет: когда речь заходит о детстве. Все годы, прожитые Россией без Набокова, без культуры, вырастившей его, для него окрашены в серый цвет.

Вспоминается роман “Дар”, строки, посвященные Советской России, революционной России, которую строили глухие и слепые к жизни люди: “Вдруг ему стало обидно - отчего это в России все сделалось таким плохоньким, корявым, серым, как она могла так оболваниться и притупиться?.. Не следует ли раз навсегда отказаться от всякой тоски по родине, от всякой родины, кроме той, которая со мной, во мне, пристала как серебро морского песка к коже подошв, живет

в глазах, в крови, придает глубину и даль заднему плану каждой жизненной надежды?"¹³ Таким образом, серый цвет - это не цвет суровой природы севера, это не метафора природы вообще, это цвет жизни, существования, серый север для Набокова - метафора выпцветшей жизни родного края.

Топографические реалии петербургских окрестностей иногда прямым текстом входят в мир набоковских произведений. Например, в романе "Защита Лужина" (1929 г.) в описаниях угадывается местоположение холмов, реки, моста, шоссе близ Выры и Рождествена: "Станция находилась в двух верстах от усадьбы, там, где дорога, гулко и сладко пройдя сквозь еловый бор, пересекала петербургское шоссе и текла дальше, через рельсы, под шлагбаум, в неизвестность".¹⁴

В автобиографической книге "Другие берега" набоковский герой пишет: "Я с праздничной ясностью восстанавливаю родной, как собственное кровообращение, путь из нашей Выры в село Рождествено, по ту сторону Оредежи: красноватую дорогу, - сперва шедшую между Старым парком и Новым, затем колоннадой толстых берез, мимо некошенных полей, - а дальше: поворот, спуск к реке, искрящейся промеж парчовой тины, мост, вдруг разговорившийся под копытами, ослепительный блеск жестианки... белую усадьбу дяди на муравчатом холму, другой мост, через рукав Оредежи, другой холм, с липами, розовой церковью, мраморным склепом Рукавишниковых..."¹⁵ Набоков часто вспоминает о своих усадьбах, парках, их красках и запахах. Гордостью дяди В.Набокова, Василия Рукавишникова, был дворец, подаренный впоследствии племяннику: "Его александровских времен усадьба, белая, симметричнокрылая, с колоннами по фасаду и антифронту, высилась среди лип и дубов на крутом муравчатом холму за рекой Оредежь..."¹⁶ Здесь проходили свидания с Тamarой (так Набоков называет в романе свою возлюбленную Валентину Шульгину), влюбленные "владели" и огромным парком, и "осенней лазурью, и русой тенью шуршащих аллей, и садом, полным мясистых, розовых и багряных георгинов..."¹⁷

Образ этой возлюбленной, как и память о встречах, присутствует в первом романе Сирина "Машенька". В художественном мире персонажа, Льва Глебовича Ганина, образ далекой северной родины и Машеньки слиты воедино. Для него, эмигранта, встреча через многие года со своей возлюбленной так же невозможна и нереальна, как и встреча с родиной, с его Россией, Россией безмятежной лучезарной юности. Встретиться с ней ему, живущему далеким светлым воспоминанием, мечтой, - значит разочароваться, покончить с собой, лишиться себя сущности.

Герой-писатель в романе "Дар", князь Ф.К.Годунов-Чердынцев, читая Пушкина, чувствовал, что "Пушкин входил в его кровь. С голосом Пушкина сливался голос отца". И что самое интересное, через десятилетия обнаруживается мифически географическая близость: "Он помнил, что няню к ним взяли оттуда же, откуда была Арина Родионовна, - из-за Гатчины, с Суйды: это было в часе езды от их мест - и она тоже говорила 'Эдак певком'".¹⁸ Удивительная мистификация, цель которой - в утонченном, исключительно набоковском узоре восторженно открыть связующую, - хотя и отдаленную, но приводящую в такой трепет, - нить с пушкинским бытием. В "Других берегах" Набоков бережливее отнесется к этой находке, вспоминая о своей семье: "Официально, в экономках числилась Елена Борисовна, бывшая няня матери, древняя, очень низенького роста старушка, похо-

жая на унылую черепаху, большеногая, малоголовая, с совершенно потухшим мутно-карим взглядом и холодной, как забытое в кладовой яблочко, кожей. Про Бову она мне что-то не рассказывала, но и не пила, как пивала Арина Родионова (кстати, взятая к Олинке Пушкиной с Суйды, неподалеку от нас).¹⁹

В романе “Бледный огонь” персонаж, комментатор поэмы Джона Шейда, Кинбот, изгнанный правитель мифической северной страны Зембла, изображает переворот в своем королевстве. Из гущи “партии экстремистов”, т.е. революционеров, появляется некто Градус со “скромным организаторским даром”.²⁰ Кинбот прослеживает путь Градуса до фатального выстрела в сердце поэта Джона Шейда. В своих комментариях он упоминает, что Градус “организовывал стачки на стекольных заводах” “далекой туманной Земблы”. Более того, открывается, что Градус сам был опытным “стеклодувом”.²¹ Наконец, революционные комиссары, захватившие Дворец, представляли собой “дурную ораву”, состоящую “из двух основных групп: из безграмотных, зверообразных, но, в сущности, совершенно безвредных рекрутов, на вербованных в Фуле, и молчаливых, очень корректных экстремистов со знаменитых Стекольных заводов, на которых и возгорелась впервые революционная искра.”²²

Аллегория “корректного экстремизма” вполне прозрачна и понятна. Но откуда в набоковском романе могли появиться стекольные заводы, стеклодувы, ставшие революционным авангардом в Зембле? Ответ может показаться странным, ненабоковским. В Материалах к Топонимическому словарю Верхнего Поореджья указано, что есть поселок Дружная Горка (что в нескольких километрах от Выры), который обязан появлением основанию здесь в 1809 г. шекленбургским купцом И.Рютингом стекольного завода.²³ Окрестности Сиверской, Дружной Горки издавна славятся особым песком, идущим в стекольное производство. Безусловно, Набоков знал о местных стекольных заводах. Но только через десятки лет его художественное сознание выпустило на страницы метафору большевистского переворота, облаченного в формы земблядского бунта.

Представленные в этой статье материалы никоим образом не могут претендовать на исчерпаемость источника. Скорее, напротив, предлагаемая тема может быть конкретизирована и углублена. Но, на наш взгляд, важно признать факт того, что феномен “севера”, Санкт-Петербурга и его окрестностей, всецело повлиял на развитие дара художника В.В.Набокова.

Примечания

1. *Ходасевич В.* Колеблемый треножник: Избранное. М.: Советский писатель, 1991. С. 469.
2. *Набоков В.В.* Стихотворения и поэмы / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В.С.Федорова. М.: Современник, 1991. С. 340. [Далее стихотворения цитируются по этому сборнику.]
3. *Набоков В.В.* Стихотворения и поэмы... С. 250.

4. *Набоков В.В.* Собр. соч. в 4-х т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 169.
5. *Набоков В.В.* Стихотворения и поэмы... С. 325.
6. Там же. С. 297.
7. Там же. С. 303.
8. Там же. С. 302.
9. Там же. С. 303.
10. Там же. С. 295.
11. *Набоков В.В.* Собр. соч. в 4-х т... Т. 3. С. 17.
12. *Носик Б.* Мир и Дар Владимира Набокова. М.: Пенаты, 1995. С. 512.
13. *Набоков В.В.* Собр. соч. в 4-х т... Т.3, С. 157.
14. Там же. Т. 2, С. 7.
15. Там же. Т. 4, С. 143.
16. Там же. С. 164.
17. Там же. С. 260.
18. Там же. Т. 3, С. 88.
19. Там же. Т. 4, С. 153.
20. *Набоков В.* Бледное пламя. Свердловск: Библиотека Человека "91", 1991. С. 64.
21. Там же. С. 182.
22. Там же. С. 101.
23. *Рябов Д.С.* Материалы к Топонимическому словарю Верхнего Поореджья. СПб., 1994. С. 10.